

Н И Л А Д И

Сквозь свет

Д В Е С У Д Ь Б Ы —
О Д И Н С В Е Т

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нила Ди

Сквозь свет

<https://litres.ru/74358488>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пол Палмер — талантливый кардиохирург, привыкший спасать чужие жизни, но свою давно научился скрывать за безупречной репутацией, холодным взглядом и бесконечной работой.

Рикарда Грейвс мечтает стать выдающимся хирургом и уверена, что чувствам не место там, где цена ошибки — человеческая жизнь. Особенно если эти чувства возникают к человеку, которого она меньше всего ожидала встретить на своем пути.

Между ними слишком много причин держаться на расстоянии. Но одна тайна меняет все, заставляя обоих сделать выбор между страхом и надеждой, долгом и сердцем.

Две судьбы — одна жизнь. История о том, что иногда именно любовь становится самым сложным испытанием и единственным шансом все изменить.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16

Нила Ди

Сквозь свет

Глава 1

Пол

— Дилаааан! — крик был таким громким, что его слышала, наверное, вся больница.

За закрытыми дверями, которые, между прочим, обладали какой-то невероятной звукоизоляцией, я настолько отчётливо различил этот крик, как будто он раздался над моим ухом.

Просто превосходно, — пронеслось в моей голове, и я нехотя раскрыл глаза. Бросив быстрый взгляд на наручные часы, я тихо застонал: на дисплее отображалось «01:13». За окном была глубокая ночь, которую я планировал провести в неудобной больничной постели.

Судя по звукам, которые доносились сверху, в комнате тоже кто-то пытался поспать.

Видимо, не удалось.

Впрочем, как и мне.

За плечами было двенадцать часов смены, и тело словно налилось свинцом. Конечно, после почти пятнадцати лет практики ты ощущаешь всё это по-другому, но банальная

усталость никуда не исчезает. Никогда.

Впереди меня ждали выходные, но сегодняшняя смена должна была растянуться на двадцать четыре часа, а всё почему? Потому что ведущие хирурги не отдыхают, они просто сбегают из больницы, когда такая возможность предоставляется. А бывает это крайне редко, поэтому уходишь по ситуации и быстро.

Иногда я задавал себе один вопрос: «Зачем я выбрал этот путь?» — и ответ всегда приходил почти мгновенно. В зависимости от степени усталости.

Он был прост: мне всегда хотелось узнать, как физически выглядит человеческое сердце под влиянием тех или иных чувств. Да, звучало жутко, и мой ответ никогда не отличался подобной философией: «мне всегда хотелось спасти жизни» или «моё призвание — помогать людям» — нет, не то.

Иметь возможность хотя бы немного влиять на ход судьбы — вот это про меня. Мне нравилось ощущение, будто мне снова удалось обмануть смерть. В операционной оно сопровождало меня постоянно.

— Кто там так орёт? — голос с верхней полки заставил меня вернуться в реальность.

Пришлось приподняться и выглянуть с нижней койки, чтобы познакомиться с источником постороннего звука. Над мной лежал анестезиолог Деймон. Интересно, почему я не сразу узнал его голос. Хмурый повелитель наркозов посмотрел на меня сверху, перегнувшись через перекладину койки.

— О, Пол! Это ты, а я гадаю, кто там так «активно» спит.

— Что значит «активно»? — я показал кавычки двумя пальцами, потому что по тону Деймона было понятно: сказано это было с сарказмом.

Ночка, видимо, у парня не задалась.

— Потому что ты пришёл час назад и всё это время вертишься и вздыхаешь. Знаешь, сюда, — он обвёл помещение руками, — обычно люди приходят СПАТЬ! — Деймон снова рухнул на кровать и накрыл голову подушкой.

Я нервно посмеялся и решил, что разговаривать с ним дальше не имеет смысла, потому что ночью врачи в больнице — это монстры.

Как можно тише я вышел из комнаты отдыха и надел наушники. Заиграл трек, который всегда помогал немного взбодриться и прийти в себя, особенно если включить его на всю громкость.

Так я и поступил, однако до ординаторской я так и не дошёл, потому что в следующее мгновение в холл хлынул поток врачей и медсестёр.

Начинается.

Быстро вынув наушники, я побежал за спешившим медперсоналом по длинному больничному коридору. Я уже догадывался, что там происходит.

Как только я выбежал в распахнутые двери отделения неотложной помощи, я увидел вполне привычную картину: множество пострадавших и плачущих людей на кроватях в

приёмном. Море крови, измождённые лица и крики. Вокруг стоял гул, слышались стоны. Суетились спасатели, врачи и ординаторы.

Всё это могло значить только одно: впереди нас ждала долгая и бессонная ночь.

Мне потребовалось двадцать минут в полной тишине, чтобы снова начать мыслить здраво. Последние шесть часов я провёл в приёмном отделении и помогал всем, кому требовалась помощь.

Порой неважно, какая у тебя специализация и что тебе больше нравится во врачебном деле. Случаются такие дни, когда ты просто врач, который может спасти чью-то жизнь. Трагедии и катастрофы не спрашивают, кто ты: кардиохирург или хирург общей практики. Ты видишь людей, которым сегодня не повезло, и делаешь всё, чтобы этот неудачный день не стал для них последним.

Проведя руками по лицу, я открыл глаза и взглянул в окно. По стеклу барабанил дождь, капли стекали вниз, открывая взору привычную картину: постоянно угрюмый город, будто вечно погружённый в свои безрадостные мысли.

Мой план был прост — покинуть стены больницы как можно быстрее и по возможности не оглядываться.

Через несколько минут за окном ничего не изменилось — только теперь я смотрел на дождь уже из своей машины на парковке. Звонящую тишину нарушала едва слышная музы-

ка из динамиков приборной панели.

Перед глазами всё плыло, и я не мог привести сердцебиение в норму. Ком в горле не давал нормально вздохнуть, а силы медленно покидали каждую клеточку тела.

Вдох, выдох. И снова вдох, выдох.

Надо срочно взять себя в руки и добраться до дома. Там точно можно будет расслабиться и выспаться.

Нажать кнопку запуска и осторожно отпустить педаль тормоза... Всё получится. Ехать не больше пятнадцати минут, если не торопиться. Да и кто станет торопиться под таким ливнем?

Потребовалось ещё минут десять, чтобы окончательно собраться с мыслями и сдвинуться с места. Мне всегда казалось, что человек не может ни о чём не думать, но это не так. Когда мозг и тело одновременно приходят в точку тотального истощения, мысли в голове чудесным образом растворяются. Там буквально не остаётся ничего, только пустота и одна-единственная мысль — сон.

Как давно я испытывал такую усталость? Не помню. Или просто перестал фиксировать такие дни в голове. Как бы паршиво я себя ни чувствовал, каждое утро всё равно вставал с кровати и отправлялся делать свою работу.

Меня всегда удивляло, на что способен человеческий организм, когда от него действительно что-то требуется. Я убеждён, что именно поэтому врачом стать тяжело. Я был убеждён, что врачами рождаются, а потом год за годом со-

вершенствуют навыки, чтобы становиться лучше, быстрее, профессиональнее.

Я не зря выбрал этот путь. Ведь желание стать лучшим кардиохирургом было таким сильным, что сдаться я себе просто не позволял.

Жизнь распорядилась со мной так: либо я покорю все вершины на своём пути, либо меня придавят боль и проблемы, которые сопровождали на протяжении всего взросления.

Мама рассказывала, как я с раннего детства спасал всех дворовых мальчишек и таскил их на себе в больницу, когда они до крови разбивали колени и локти. Это были мелочи, но мне так сильно хотелось спасти кого-то, что я не упускал шанса проявить себя героем.

Сейчас смешно вспоминать, как из-за какой-нибудь царапины я требовал немедленно показать пострадавшего врачу. Спустя годы я понял, как глупо было отвлекать врачей такими мелочами, пока сам не оказался на их месте.

Мне приходилось встречать подобных маленьких героев в нашем приёмном отделении, но я всегда старался уделить им должное внимание, потому что помнил, как сам ненавидел грубых и замученных медиков, которые выгоняли меня вместе с моими «пациентами».

Всегда можно найти нужные слова, дополнительную пару рук или возможность помочь даже с разбитой коленкой. Главное — желание и внутренняя убеждённость, что даже ссадины у непутёвых подростков иногда требуют внимания

врача.

Как бывает: становишься именитым хирургом и думаешь, что зашить порез — это уже не по статусу. Зачем тратить на это время? Но я всегда напоминаю себе, что за любым, даже самым маленьким порезом стоит целая история.

Открыв дверь своей квартиры, я осторожно закрыл её и прислонился к ней спиной. Прохлада окутала тело, и слабость накрыла с новой силой.

На часах 10:00 — прошло почти девять часов с тех пор, как я проснулся в комнате отдыха и отправился спасать людей с большими и маленькими травмами.

— Ты вернулся? — оторвав взгляд от пола, я посмотрел в сторону родного сонного голоса. Просто кивнув в ответ, я поплелся в свою спальню. Мне были необходимы душ и сон.

— Сколько на этот раз? Двадцать, тридцать часов? — голос не унимался, а я, ухмыльнувшись, упал лицом на кровать.

Кажется, я понимал, что должен ответить. Может быть, как-то оправдаться, но сил на то, чтобы вымолвить хотя бы слово, не находил.

Почувствовав, как с меня стянули ботинки, я благодарно улыбнулся — или мне это уже снилось. Реальность смешалась с миром сновидений, умиротворение прокатилось по телу, распространяя россыпь мурашек по коже.

Кажется, душ не так уж и важен, потому что мой мозг решил, что поспать нам важнее.

Всё — завтра.

— Повторю свой вопрос. Сколько часов ты вчера отработал? — спросил Киллиан.

Вытирая голову полотенцем, я с улыбкой посмотрел на сына.

— Детка, я уже большой мальчик, прекрати меня отчитывать.

Я присел за стол и почувствовал насыщенный запах кофе. Желудок проснулся и напомнил: сна и горячего душа недостаточно, чтобы функционировать. — А вот за кофе спасибо.

Приподняв теплую кружку в знак благодарности, я сделал жадный глоток. Напиток обжег гортань, и я вздрогнул.

— Доктор Палмер, такими темпами вы завершите свою карьеру совсем скоро, — Килли тоже сел за стол и принялся завтракать.

— Ты совсем в меня не веришь.

Было время, когда я мог выжить пару дней на трёх кружках крепкого кофе. Однако стоит признать, что когда мне перевалило за тридцать пять, так делать уже не выходило. Нельзя сказать, что парень был в чём-то не прав.

— Как дела в колледже? Так что решил насчёт практики? — спросил я, переводя тему, и поднял взгляд на сына. Он не решался ответить и боялся сказать мне то, что было у него на уме.

Я положил столовые приборы рядом с тарелкой и ободряюще ухмыльнулся.

— Колись! — его порой нужно было подтолкнуть, чтобы услышать правду.

Киллиан всегда был умным и сдержанным парнем, порой настолько вдумчивым, что это бесило. Характером мы с ним были мало похожи, зато внешне родство отрицать было бессмысленно: такой же высокий, спортивный, с густыми каштановыми волосами и пронзительными зелёными глазами.

— Пап, я не знаю... Вернее, я знаю, но ты будешь против.

Ответ стал очевидным. Он хотел проходить клиническую практику в моей больнице. И да, я был против.

Причин было множество, но одна перевешивала остальные: он должен пройти этот путь сам, раз решил пойти по моим стопам. Конечно, Киллиан закончил колледж раньше сверстников и учился в медицинской школе по ускоренной программе, но врачебная практика вместе с известным отцом-хирургом могла не очень хорошо сказаться на его репутации.

Я не стеснялся и не боялся, что Килли будет работать рядом со мной. Наоборот, мне хотелось поддержать его и помочь. Но хотя бы в начале пути стоило исключить всё, что могло помешать ему добиться успеха самостоятельно. Ответственности и внимания к нему будет больше, если станет известно, чей он сын. Ещё его выдающиеся успехи в учёбе...

— Ты же знаешь, чем это чревато. Уверен, что давление

со стороны коллег не убьёт твоё желание стать врачом? Ты и так шагаешь впереди сверстников.

— Ты, как всегда, категоричен. Я сто раз говорил тебе, что мне всё равно, что подумают другие. То, что я сын известного в Сиэтле хирурга, ещё не значит, что я попал в больницу с помощью связей. — Парень опустил взгляд на свою тарелку и тяжело вздохнул. — Вернее, для окружающих — значит. Но это не так. Я проходил отбор на общих основаниях. Лекс до последнего не знал, что я есть в списках, пока не начались личные собеседования, — Килли шумно выдохнул, закончив тараторить, а я подавился кофе и закашлялся.

Киллиан с тревогой взглянул на меня.

— Что? Лекс не знал? Я думал, это его рук дело, — искренне удивился я. Речь шла о моём лучшем друге — шефе хирургического отделения. Для Киллиана он был вторым отцом и временами сильно баловал парня, забывая, что ему давно не пять.

— Нет, в том-то и дело, что я всеми силами скрывал от вас своё желание проходить практику в Холде, потому что вы оба упрямые ослы, — насмешливым тоном сказал Килли.

Я кинул в сына салфетку и засмеялся:

— Ослы?

— А как вас ещё назвать? В городе нет места лучше, чем ваша больница, чтобы стать настоящим врачом. Вы это знаете и без меня.

Что сказать? Не поспоришь.

Госпиталь был одним из лучших медицинских учреждений Северо-Запада с хирургами всех профилей и возможностью учиться у лучших в своём деле. Но я думал, что сын уедет в Вашингтон или Нью-Йорк, а он настойчиво не желал покидать меня. Конечно, моё отеческое сердце не могло не радоваться этому, но желание оградить его от лишних бед перевешивало.

— Детка, это твоя жизнь — решение за тобой. Но у нас будет сложно, особенно из-за возраста: к тебе будут присматриваться внимательнее, — я размял шею и бросил взгляд на часы.

— Я знаю! Что поделать — я слишком умный. — Сын нервно засмеялся. — Ты думаешь, я не перебрал сотни вариантов? В конце концов, я мог бы уехать к маме в Нью-Йорк, но не могу. Пап, правда, не могу...

Он склонил голову, пряча взгляд. Я взял Килли за руку и крепко сжал её.

— Я поддержу любое твоё решение, но с одним условием. Я хитро улыбнулся.

— Каким? — Киллиан посмотрел на меня с непониманием.

— На работе никто не должен знать, что ты мой сын. Там я для тебя доктор Палмер, окей?

Киллиан прыснул и начал залиvistо смеяться.

Господи, как же я его обожаю. Задержав взгляд на его лице, я задумался. Иногда мне не верилось, что этот взрос-

лый, умный и красивый парень — мой сын.

— Пап, половина больницы знает, кто я такой. — Киллиан как ни в чём не бывало продолжил жевать и со смехом взглянул на меня.

Закончив завтрак, я начал убирать со стола грязную посуду и развернулся к парню спиной.

— Твои коллеги по практике этого знать не будут. Хирургию будешь проходить под фамилией своей мамы, — я проинструктировал Килли и оглянулся на него через плечо. Он молча кивнул, но всё равно ухмыльнулся.

Почему у меня было такое чувство, что этот парень что-то задумал?

Глава 2

Пол

Холодный ветер хлестал по лицу, а в ушах играла энергичная мелодия. Музыка мотивировала двигаться быстрее, дыхание стало тяжелее, а в груди уже ощущалось знакомое жжение. Вместе с битами я слышал глухой стук своих ног по асфальту, ощущая вибрацию по всему телу от длительной пробежки.

На улице стоял густой туман, мелкий дождь капал на одежду. Слева от меня пролегал длинная набережная, которая полукругом тянулась на несколько километров вперёд. Справа деревья в парке уже покрылись золотом и сбрасывали увядшие воспоминания о лете. Ритм в наушниках помогал сосредоточиться на словах и звуках музыки, отвлекая внимание от уставшего тела, которое буквально кричало, что пробежка в пять утра не лучшая идея для тридцатидевятилетнего хирурга, который работает по восемьдесят часов в неделю.

Я поднял взгляд на беговую дорожку, пролежавшую по кромке воды, и не видел ничего дальше, чем на метр вокруг себя. Ощущение, что ты бежишь в пустоту, одновременно пугало и будоражило.

Давай же, Пол, осталось немного, — я мысленно подбадривал свой спортивный энтузиазм и взглянул на часы. Оста-

лось пятьсот метров, и намеченное расстояние будет достигнуто. Сегодняшняя тренировка должна была пройти продуктивно.

Назовите это пунктиком на возрасте, но в январе мне стукнет сорок, и это звучало как точка невозврата. Рубеж молодости давно пройден, а ведь в сердце ещё столько трепета, куча желаний и недостигнутых стремлений.

Я отчаянно пытался доказать своему телу, что всё у нас ещё впереди. Относительно здоровый образ жизни и регулярные тренировки должны были держать меня в хорошей физической форме и стабильном эмоциональном состоянии.

Ежедневные пробежки стали утренним ритуалом, который помогал прочистить голову, выбросить все тревоги и начать день с чистого листа, даже если вчера было тяжело. После неожиданно спокойного выходного это был отличный способ вернуться в режим.

Часы завибрировали, оповещая о достигнутой цели: я сбросил темп, чтобы перейти на быстрый шаг. Завершив пробежку, я нагнул, оперевшись руками в колени, восстанавливая сбившееся дыхание. В это время в кармане кофты зазвонил телефон.

Сдернув капюшон с головы, я подставил лицо под капли дождя, наслаждаясь прохладой и дуновением утреннего бриза.

— Доброе утро, любовь моя! — всё ещё пытаюсь отдышаться, я тапнул кнопку на ушной гарнитуре и, приняв вы-

зов, медленно направился в сторону дома.

— Оу, слышу, ты занят. Удивлена, что Пол Палмер развлекается в шесть утра, — глубокий смех на том конце провода заставил меня улыбнуться. — Я могу перезвонить.

— Единственное развлечение, которое мне доступно в это время: пробежка или операция. Этим утром выдалась возможность размять ноги.

Её пошлые намёки веселили меня.

Звонила Лейла — моя лучшая подруга и бывшая девушка. Когда-то, почти двадцать лет назад, между нами действительно были отношения. Потом случилась незапланированная беременность, и в восемнадцать лет нам обоим пришлось слишком быстро повзрослеть и стать родителями.

— Я уже обрадовалась, что у тебя случился секс впервые за... — Лейла выдержала задумчивую паузу, а я терпеливо ждал, пока она «наиграется». — За три... Или нет, стой, шесть месяцев? — по её тону было понятно, что она действительно ждала ответа.

— Лей, ты невыносима. С моей личной жизнью всё в порядке, — ответил я. Хотя звучало так, как будто я убеждал в этом самого себя.

В какой-то степени так оно и было, но признаться самому себе в этом? Ни за что.

— Родной, ты можешь обманывать самого себя, но не меня.

Как она это делает?

— Ну, об этом позже, я вот по какому делу: на следующей неделе у меня конференция в Сиэтле, могу я остановиться у тебя?

Удивительно, что после стольких лет дружбы она всё ещё оставалась вежливой. А ведь знакомы мы почти с рождения.

— Напомню, у нас общий сын, и ты задаёшь глупый вопрос. Думаешь, я позволю тебе ночевать на неудобной гостиничной кровати?

Я открыл дверь в квартиру. Включив свет, заметил на столике в прихожей записку.

Он всё ещё предпочитал сообщениям бумажные весточки.

Любитель оставлять послания, — промелькнуло в голове, и я ухмыльнулся, когда прочитал записку сына. Килли сообщал, что он будет в больнице, и мы встретимся уже там.

— Я ценю твою доброту. Спросила просто из вежливости. А что ты ухмыляешься?

Голос Лей вернул меня к нашему диалогу. Положив ключи и бумажку на столик, я стянул с ног кроссовки.

— Мы с тобой сделали удивительного человека.

— Спорить не буду, но в чём дело?

Лейла гремела чем-то на фоне.

Эта женщина всегда была в движении, спешила и ни на секунду не останавливалась. Наверное, поэтому у нас ничего и не вышло в романтическом плане. Мы оба были слишком упрямыми, слишком самостоятельными и слишком молоды-

ми, чтобы ещё и пытаться уживаться как нормальная пара. В восемнадцать лет нам хватало забот и без попыток изображать влюблённых.

— Он до сих пор пишет мне записки.

Парню двадцать один, но он ни разу не оставлял меня в неведении о своих планах. Привычка оставлять записки по всему дому появилась у него примерно в пять лет, когда Килли научился писать. Его так забавлял процесс и волновало ожидание моей реакции, что это стало своего рода нашей с ним традицией.

— Это слишком мило, чтобы быть правдой. Я так по нему скучаю, Пол, — Лейла грустно вздохнула и замолчала.

Я понимал её как никто другой, ведь Килли жил со мной только последний год. Раньше это я был тем родителем, который постоянно мотался в Нью-Йорк, чтобы урвать хоть немного времени с сыном.

— Понимаю, но теперь твоя очередь скучать и приезжать в Сиэтл.

Мы одновременно засмеялись.

— Прилетаю в субботу, в десять. Встречать не надо, — сказала Лей, на что я нервно хохотнул. Интересно, что должно произойти, чтобы она перестала сопротивляться?

— Буду на парковке. Целую, — я положил трубку, прежде чем Лейла успела что-то ответить. Я не желал принимать возражений, да она и так это знала.

Наверное, нам удавалось сохранить такие тёплые взаимо-

отношения, в том числе благодаря тому, что между нами существовало одно правило, которое нарушать было подобно смерти — «три звонка». Если после трёх звонков кто-то из нас не отвечал без предупреждения, это могло значить только одно — либо ты умер, либо желаешь подорвать доверие в семье. И неважно, что семьёй в традиционном смысле слова мы никогда не являлись. Всегда знали, где мы и что с нами происходит.

Киллиану никогда не приходилось звонить трижды.

Через час, переодевшись в медицинский костюм тёмно-бирюзового цвета, я вышел из раздевалки. На ходу надевая белый халат и прикрепляя свой бейдж к карману брюк, я здоровался с проходящими мимо врачами.

Больница была местом, где мне никогда не приходилось придумывать, кем быть. Здесь всё было понятно: проблема, решение, результат. Я слишком долго шёл к этой точке, чтобы жаловаться на то, что работа забирает большую часть жизни.

Я невероятно любил свою работу, потому что делал то, что умею, потому что пришёл в ту точку, которой стремился достичь долгие годы.

— Доктор Палмер, вторая операционная забронирована, мисс Бил готовят, — поздоровавшись, сказала Нора, административная сестра. Я благодарно кивнул и отправился в предоперационное помещение.

— Совсем забыла, вас вызывал доктор Белард, — вдогонку крикнула Нора.

Он, как всегда, вовремя. Подождёт.

Неужели глава хирургии не знал расписания операций на день?

— Я на операцию, зайду позже, — бросил я в ответ и распахнул двери операционного блока.

Механические действия, которые я совершал каждый день, были настолько мне знакомы, что я делал их на автомате: снимал халат, надевал любимую шапочку с китами и направлялся в операционную.

Пациентка уже была на столе.

Мне предстояла стандартная транскатетерная имплантация аортального клапана, но лёгкий трепет снова пронзал каждую клеточку тела, когда я заглянул через стекло в комнату, где суежилась операционная бригада, а у стола уже стоял интервенционный кардиолог.

Стены там были выкрашены в серый и бирюзовый цвета, вокруг расставлено множество приборов, а в центре стоял большой операционный стол. Помещение было таким знакомым: яркий свет на потолке привычно слепил глаза, а звуки аппаратов жизнеобеспечения смешивались со скрежетом металлической тележки, которую медсестра Дилан двигала к операционному столу.

Спустя мгновения я посмотрел на свои руки, которые уже подставил под включённый кран, и понял, что застыл на пару

секунд, погруженный в свои мысли. Я быстро и тщательно помыл руки, поднял их, не отряхивая, и бедром нажал на кнопку открытия дверей.

— Пол, к тебе на операцию направили ординатора. Ассистировать, — медсестра надела на меня халат и перчатки.

— Тогда почему его ещё здесь нет?

Признаться, я не очень любил работать с ординаторами, несмотря на то, что наша больница была учебной.

Медсестра пожала плечами и вернулась к своим делам.

В присутствии молодого врача приходилось распылять своё внимание, предоставляя ему возможность учиться на практике, а мне переживать за каждое неловкое движение, которое ассистент может совершить в операционной.

Пока я размышлял о том, чему могу научить молодого хирурга на малоинвазивной операции, двери распахнулись. Я поднял глаза, следуя за звуком. Миссис Бил подавали наркоз, а я готовил аппарат, когда комнату заполнило тяжёлое дыхание и бархатистый женский голос.

— Прошу прощения за опоздание. Меня поменяли с доктором Тейлор, и пришлось бежать, — оправдалась вошедшая девушка.

Из-за медицинской формы и маски я не мог как следует разглядеть ординатора, нарушившую рабочую тишину, а её голос почему-то заставил меня поднять взгляд быстрее, чем требовала ситуация.

Я поправил маску на лице и снова опустил взгляд на опе-

рационное поле. Необходимо было сосредоточиться.

— Значит, бежать нужно было быстрее. У вас пять минут, чтобы помыть руки и занять своё место за столом, доктор...
— не поднимая взгляда, сказал я.

Я был почти уверен, что видел её впервые, хотя большинство ординаторов этого года я знал хотя бы в лицо. Видимо, она каким-то образом до сих пор умудрялась не попадаться мне на глаза. С моей памятью явно были какие-то проблемы. Сначала не узнал Дэймона в комнате отдыха, теперь это.

— Грейвс. Рикарда Грейвс.

Ах, вот оно что. Рикарда.

Я как будто пробовал её имя на вкус, повторяя его в голове. Такое действительно сложно забыть.

В следующее мгновение девушка уже скрылась за стеной и направилась мыть руки. Рикарда Грейвс. Ординатор последнего года, судя по нашивке на форме. Кажется, на ротации в кардиоторакальном отделении я её действительно никогда не видел. Но вдаваться в расспросы не было времени: впереди меня ждали ещё пять пациентов.

День обещал быть долгим.

— Я готова, доктор Палмер. Что поручите?

В её голосе обнаружилась едва заметная хрипотца, которую я почему-то отметил, когда она заняла место напротив меня за операционным столом.

Почему-то мне внезапно захотелось немного развлечься.

— Включите музыку. Что-нибудь из Austin Jenckes, пожа-

луйста, — озвучил просьбу я и не смог сдержать улыбку. Думаю, она это заметила.

В следующее мгновение помещение наполнили звуки мелодии, которая пробуждала во мне энергию. А она молодец, даже не стала сопротивляться и говорить, что это не её работа быть диджеем в операционной.

Проверка номер один — пройдена.

Закончив все подготовительные процедуры, мы приступили к процедуре. Рикарда внимательно следила за моими действиями через экран.

— Путь проводника? — спросил я, напоминая себе, что работаю в учебной больнице.

— Бедренная, наружная и общая подвздошные, затем аорта и аортальный клапан.

— Хорошо. Следите за экраном, — я инструктировал ординатора и неотрывно смотрел на монитор рентгеновской установки, контролируя свои движения.

Рика, надо признать, вполне уверенно справлялась с задачами, которые я ей давал: безошибочно просила у медсестры нужные инструменты, уверенно контролировала проводник под моим руководством, не сомневалась в ответах на вопросы.

— Располагаем биопротез внутри поражённого клапана. Здесь особенно важна точность. Слишком высокое или низкое положение протеза может привести к серьёзным осложнениям.

— Доктор, с учётом её возраста вы ожидаете, что протез вообще придётся когда-нибудь менять? — спросила Рикарда. Она проявляла профессиональный интерес, что вызывало во мне чувство уважения.

— Клапан рассчитан на длительный срок, так что вероятнее всего, повторная операция мисс Бил не понадобится, если, конечно, не возникнут непредвиденные обстоятельства.

Возраст пациентки уже перевалил за семьдесят, поэтому вероятность того, что срок службы клапана когда-нибудь станет для неё проблемой, была невелика. Но гарантий в нашей профессии не существовало. Порой сердце такое хрупкое, что даже недюжинные усилия не в силах его сберечь.

Кардиолог рядом со мной подтвердил позицию протеза, и я снова перевёл взгляд на экран. Рика глубоко вдохнула и очень медленно выдохнула. Я не смог остановить себя и не бросить на неё беглый взгляд: светло-карие глаза с напряжением смотрели на монитор, ткань маски едва двигалась в такт ровному дыханию, а в руках не было ни малейшей дрожи.

Процесс шёл достаточно гладко, мы обсуждали шаги, которые я совершал, ординатор помогала мне закончить привычные манипуляции. Внезапно рядовая операция стала интереснее.

Только к концу я заметил, что девушка стоит на подножке, чтобы доставать до стола на нужном уровне. Она была примерно на голову ниже меня.

Закончив процедуру, я отошёл от операционного стола на шаг и стянул перчатки с рук. Разминая пальцы, бросил взгляд в сторону Рикарды, которая непонимающе смотрела на меня.

— Закрывайте доступ. Система уже стоит. Посмотрим, насколько уверенно вы работаете.

Судя по тому, что я успел увидеть за время операции, справиться она должна была. Но почему-то желание проверить ординатора на эмоциональную устойчивость перевешивало, и я не упустил возможности уколоть её.

— Да, доктор Палмер, — с нажимом ответила Грейвс и попросила нужные инструменты у медсестры.

— И не забудьте заполнить отчёт. Также проследите, чтобы пациентку доставили в интенсивную терапию и взяли необходимые анализы, — мои указания так и сыпались, а Рика молча кивнула и приступила к работе.

— Я проверю её через час.

Сбросив халат в урну, я вышел в умывальник и наконец-то выдохнул.

Почему эта Грейвс вообще задержалась у меня в голове?

Я вспомнил едва заметный запах мяты и бергамота, который уловил, когда она встала напротив. Он как будто перебил стойкий запах больницы, годами живший у меня в носу. Я сорвал маску с лица и глянул в окно операционной. В отражении стекла я заметил, что Рикарда на секунду подняла голову в мою сторону. Это странным образом тревожило

меня.

Пришлось встряхнуть голову и отогнать ненужные мысли. Я сполоснул руки и снова бросил взгляд в окно. Ответственный профессионал внутри меня должен был проверить, всё ли ординатор делает верно, поэтому я не мог покинуть пределы операционной раньше.

Рика сосредоточенно работала с системой закрытия доступа, выполняя мои указания методично и без лишней суеты. Завершив свою работу, ординатор попросила медсестру перевести мисс Бил в палату интенсивной терапии, а в следующее мгновение спрыгнула с подножки.

Я едва сдержал улыбку из-за этого зрелища, но тут же осознал, что всё ещё находился в умывальнике.

Что с тобой, Палмер?

В тот момент, когда двери операционной открылись, я уже скрылся за поворотом хирургического блока.